

В. Е. КОЗЛЯКОВ

НЕОНАРОДНИЧЕСТВО ОБ ИДЕЯХ СЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА

(начало XX в. — конец 20-х гг.)

В творчестве В. И. Пичеты особое место занимают труды по истории славянских народов. Интерес к славистике у историка пробудился уже на раннем этапе формирования его научных интересов. Будучи демократом по убеждениям, В. И. Пичета отчетливо понимал роль российской государственности в сохранении национальной независимости страны, в единении всех славян. Славянская общность трактовалась им как вполне определенное историческое явление, связанное с конкретными историческими условиями формирования и развития славянских народов — общностью их происхождения и языковым родством, многовековым соседством, экономическими и культурными связями. Начавшаяся Первая мировая война вызвала у российской передовой общественности вполне обоснованную тревогу за судьбы славянства. Балканские проблемы, история южных и западных славян привлекли пристальное внимание В. И. Пичеты, о чем свидетельствуют уже его ранние популярные статьи и брошюры [1; 2; 3; 4]. Историк был убежден, что «грядущий день принесет возрождение всему славянству» [1, с. 161].

Мысли и идеи В. И. Пичеты были во многом созвучны с идеями общероссийского и национального неонародничества, представленного теми политическими партиями, которые в начале XX в. ориентировались на трудовое крестьянство и революционно настроенную интеллигенцию. В то же время социалисты-революционеры, народные социалисты, Белорусская социалистическая громада, украинские социалисты-революционеры по праву считали себя наследниками революционных народников. Один из идеологов народничества М. А. Бакунин еще в 1848 г. в своем знаменитом «Воззвании к славянам» выдвинул требования свободы, равенства и братства всех наций, отметив при этом, что славянские народы должны «завязать между собой тесный братский союз» [5, с. 59].

Стремление славянских народов к истинному демократизму, уходящему своими истоками в соборные, вечевые и общинные традиции, проявилось в идеологии белорусского национального движения. Так, белорусская организация «Гомон», действовавшая в 80-е гг. XIX в., отстаивая принципы народнического социализма, решительно высказалась против дробления демократических сил по национальному признаку, выступила за интерна-

циональную солидарность всех братских народов России. В то же время «гомоновцы» обосновали вывод о праве белорусского народа «на автономную федеративную самостоятельность в семье других народностей России». Но «Гомон» внес серьезные коррективы в понимание федерализма, представленного тогда бакунинской трактовкой федерации как «союза самоуправляющихся крестьянских общин» с известной примесью анархизма. Федерализм «гомоновцы» рассматривали как форму союза между отдельными частями государства или входящими в его состав нациями [6, с. 112, 120].

Народнические поиски форм сотрудничества этносов привели эсеров и родственных им партий к целесообразности применения в будущем федеративных отношений между национальностями [7, с. 361—362]. Лидер эсеров В. М. Чернов был убежден, что федеративный строй и национальное равноправие, широчайшее развитие местного самоуправления и культурная автономия народностей обеспечат свободное развитие всех национальностей [8, с. 186, 192]. Подобные идеи нашли отклик и у национального неонародничества. Сформировавшаяся в начале XX в. Белорусская социалистическая громада, требуя уничтожения национального гнета и реализации права наций на самоопределение, выступала за предоставление автономии Беларуси в рамках Российской федеративной демократической республики. Однако понятие территориальной автономии трактовалось национальными неонародниками довольно широко. К компетенции федерального центра предполагалось отнести в будущем лишь внешнеполитическую деятельность, обеспечение функционирования единой денежной системы, управление вооруженными силами и железнодорожным транспортом.

Славянское братство проявилось в совместной борьбе народов за демократию и свободу, против сил реакции. Например, в июне 1908 г. в Праге состоялся Славянский съезд студентов, в котором приняли участие представители русской, белорусской, украинской, польской, сербской, хорватской и словацкой молодежи. Их объединяла общая идея свободы, равенства и братства всех людей. Съезд единодушно поддержал требования белорусских делегатов о введении всеобщего обучения на родном языке,

преподавании белорусской истории, необходимости открытия в Вильно Белорусско-Литовского университета [9].

После Февральской революции встал вопрос о самоопределении Беларуси, формах ее взаимоотношений с другими народами и территориями. Следует подчеркнуть, что ни одна политическая партия до октября 1917 г. вообще не ставила вопроса о независимости, отделении Беларуси от России. Речь шла об автономии. В заявлении Белорусского Национального комитета от 25 марта 1917 г. говорилось, что экономическое положение и те

широкие возможности, которые открылись после революции перед демократической Россией, «связывают нас с Российской федеративно-демократической республикой» [10].

Но по мере углубления общероссийского кризиса осенью 1917 г., и особенно после октябрьских событий в Петрограде, в Беларуси стали усиливаться «незалежніцкія» и даже русофобские тенденции. Тем не менее Первый Всебелорусский съезд (декабрь 1917 г.), неоправданно разогнанный большевиками, успел принять первый пункт проекта резолюции, в котором говорилось о необходимости образования Всебелорусского Совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов. Причем создание такого органа должно служить, по замыслу авторов резолюции, «для спасения родного края и ограждения его от раздела и отторжения от Российской Федеративной Демократической Республики».

Разумеется, насильственные меры новой власти не способствовали единению народов бывшей Российской империи, усиливали стремления «незалежнікаў». К тому же рост национального самосознания, вызванный социальными и культурными потребностями, побуждал этнические элиты, в том числе и белорусскую, усилить борьбу за расширение прав своих этносов. Провозглашение независимости БНР 25 марта 1918 г. в условиях немецкой оккупации во многом было обусловлено тем, что Брестский договор решал судьбу белорусского народа без его согласия. Но для широких масс объявление независимости БНР было в определенной степени неожиданным, ибо в Беларуси с трудом воспринималась идея разрыва с Россией.

Тем не менее, идеи славянского единства, сотрудничества всех народов бывшей царской России не отвергались белорусскими деятелями после окончания гражданской войны. Оказавшись в эмиграции, они установили тесные контакты с российскими, украинскими эсерами. Разумеется, у них было враждебное отношение к образованию СССР, несмотря на воплощение в нем некоторых неонароднических федералистских идей. Однако поиски на теоретическом уровне наиболее приемлемой, с их точки зрения, формы Союза народов продолжались. В. М. Чернов, например, высказал мысль о возможности создания широкой Славянской конфедерации, которая могла, по его мнению, разрешить вопрос об Украине и Беларуси [11, с. 24]. В результате родилась идея о создании в перспективе нового Свободного Союза Народных Республик Востока Европы и Азии. Ее поддержали белорусские эсеры и социалисты-федералисты. Например, П. А. Кречевский заявил во время одной из дискуссий, что «стоим перед выбором: свободный союз или кровавая борьба». Ему вторил В. И. Захарко: «Если не договоримся, то пойдем в топоры». Их поддержал и Т. Т. Гриб, обратив внимание на необходимость учитывать рост национального самосознания белорусов [12, л. 110—113].

Созданный в 1926 г. по инициативе российских, белорусских и украинских социалистов «Временный секретариат Социалистической Лиги нового Востока» поставил задачу: в случае падения власти большевиков создать из независимых республик их надгосударственное образование — Вольный Союз. Платформа «Лиги» включала следующие положения: солидаризация международной политики независимых республик; взаимные гарантии неприкосновенности границ и прав национальных меньшинств; создание таможенного и тарифного союза; народнохозяйственное и финансовое сотрудничество членов Союза; разрешение всех споров между республиками Союзным трибуналом; восстановление национального и территориального единства народов, расчлененных между различными государствами, в частности украинского, белорусского, армянского и других [13, с. 18—21].

К сожалению, эти идеи не встретили большого энтузиазма в эмиграции. Но нельзя не отметить заслугу российских и белорусских неонародников в поисках наиболее эффективных форм сотрудничества народов, веками живущих вместе. Мечты и проекты российских и национальных неонародников, отличавшиеся от них положения и выводы ученых-славистов оказались реализованными лишь отчасти. Идеи славянского единства подверглись серьезному испытанию в современных условиях глобализации, но не потеряли своей актуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пичета, В. И.* Исторический очерк славянства / В. И. Пичета. М., 1914.
2. *Пичета, В. И.* Драма болгарского народа. Борьба за национальное объединение Болгарии / В. И. Пичета. М., 1915.
3. *Пичета, В. И.* Исторические судьбы Сербии / В. И. Пичета // Экскурсионный вестник. 1915. Кн. 4.
4. *Пичета, В. И.* Сербия / В. И. Пичета. Пг.; М., 1917.
5. *Бакунин, М. А.* Избранные сочинения. Т. III / М. А. Бакунин. Пг.; М., 1920.
6. Публицистика белорусских народников. Мн., 1983.
7. Протоколы Первого съезда партии социалистов-революционеров. СПб., 1906.
8. По вопросам программы и тактики: сб. ст. из «Революционной России». Вып. 1. Б. м., 1903.
9. Наша ніва. 1908. 4(17) ліп.
10. Вольная Беларусь. 1917. 28 мая.
11. Революционная Россия. 1926. № 51—52.
12. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5910, оп. 1, д. 86.
13. Революционная Россия. 1927. № 59—60.